

Варенька

Как же вы так живете-то? А?

Как же так можно?..

В. М. Шукшин.

1

Черная, бесконечная даль вокруг: вон как протянулась к горизонту, заливая непроглядной тушью, словно талой водой, необъятные окрестности. Тишина вокруг такая, что слышно, как где-то на отшибе деревни кто-то шумно набирает воду, часто сплевывая и поминая черта. Нет, это не романтика вовсе, а обыденная прозаическая реальность.

Подмораживает. Сыплет мелкий, словно боящийся чего-то и от этого осторожный запоздалый снежок – первый, долгожданный снег...

Вот уже как полчаса стою и курю. Разные мысли приходят на ум, да только все суетные, да бестолковые. Здесь, в глуши, во мраке, в бараках и покосившихся набок избушках, в суете и бесконечных трудностях, среди холода и убегающего за горизонт железнодорожного полотна, истертого миллионами проходящих ежеминутно стальных колес, тянутся бесконечные наши дни... Здесь реальность воспринимается по-другому, верней, она здесь своя, такая же холодная и тяжелая, как стальная рельса: ее невозможно переделать, ее невозможно понять и осмыслить, она черства и беспощадно ко всем. И только любовь, настоящая, человеческая любовь спасает от черной злости и зависти.

Здание т-ской станции озарено тусклым отблеском покачивающегося от набегающего ветерка фонаря. Качается он в разные стороны, словно маятник, поскрипывая, а жизнь-то идет: промелькают перед тобой секунды, часы, дни, годы драгоценного времени, когда и бездельно потраченного, когда с толком, по-совести... Кто-то умирает где-то за горизонтом, думая о будущем своих детей, или о том, «что Серега-сосед должен с прошлого месяца бутылку самогона: проспори́л, дескать...». По-разному люди встречают свою смерть. А я здесь вот курю, думая о том, что заведу через мгновение мотоцикл и поеду через ночной лес домой, мимо спящих сенокосов и недвижной реки... А дома тепло, уют, покой... Приятное чувство.

«Извините,- послышалось откуда-то сзади,- где здесь управление?». Я удивленно оглянулся. Из темноты показалась девушка в форме. Часто спотыкаясь о щебень, она подошла ко мне.

«Девушка, милая, - начал я, - ну какое управление может быть в три часа ночи? Вы курьер? Из города, верно? Ну?». «Я из К-ва. Управление железнодорожных соединений,- девушка показала удостоверение, - срочная депеша начальнику станции. Мне необходимо срочно его видеть. Как найти Петра Ильича?». «Да ты формалистка, мадам, да еще и глупа, как овечка» - подумал я. Потом сказал: «Ну какой к черту Петр Ильич? Он в запое уже месяц – жена в начале декабря померла. Вот так.... Кгм... А станционные дела ведет капитан Дубик. Только в Москве - по делам службы отлучился. На месяц» - огорчил я собеседницу, которая видимо, ждала совершенно другого ответа.

«Да... Что же делать, - начала девушка, присев на люльку моего мотоцикла, - мне и идти-то некуда...». «Курите?»- спросил я формалистку, протягивая пачку. Она молча кивнула. Закурили. Минут пять провели молча.

«А поехали ко мне» - предложил я. Девушка удивленно посмотрела на меня. Встав с люльки, она отошла подальше от мотоцикла. «Да я не из этих, не из..., - ответил я и начал успокаивать в себе просыпающуюся злость: ей предлагают крышу над головой, а она умничает, - извини, что сразу на «ты» перешел. Привык со всеми так. А вас как зовут? Разговариваем тут, а друг о друге ничего не знаем...»

Формалистка продолжала осторожничать: она достала из кобуры ствол и направила на меня. «Тьфу, - разозлился я совсем, - ну и оставайся тут. Замерзать. В управе – ни души. Я сторожа в деревню отпустил – все равно сбежит, каналья. А дежурного офицера по выходным нет... А что там говорить, поехал...»

Завел мотоцикл, тронулся. А сам поехал медленно, я ведь тоже человек: а она догонит, куда ей деваться. Смотрю, в боковое зеркало наблюдаю за ней: ствол в кобуру обратно спрятала, поправила форму. Я притормозил. Она медленно, устало подошла к мотоциклу.

«Извините, погорячилась я изрядно, - начала она, усаживаясь в люльку, - меня так не раз обманывали... А один раз даже... Понимаешь?». «Понимаю, о чем ты. Этих сволочей расстреливать через одного... Мать их!..» - я поддал газку, поехали быстрее.

«Мня Варей зовут, а тебя? Небось, Борей, или Серегой? Так?» - спросила она. «Дедом» кличут, а зовут Вениамином, в честь прадеда нарекли. Черт, стартер заедает, сейчас заглохнем. Готовься пешком идти. Вот и познакомились, подруга» - ответил я.

Пока доехали до моей усадьбы, успели еще кое-чего нового узнать друг о друге. Шутили, смеялись до слез... Продолжая смеяться, зашли в остывший дом. Я помог ей снять шинель, пресловутую кобуру... Еще раз посмеялись...

Растопили печь, поставили самовар...

Где чай, там и разговоры, а когда рядом такой собеседник – милая и красивая девушка, вовсе не противная формалистка, а человек со сломанной судьбой, с клеймом, с позорной не по ее вине отметкой, с красным крестиком в биографии... Хочется приласкать, пожалеть, сказать добрые и ласковые слова... На таких, как Варя, мерзавцы и негодяи показывают пальцем, невежи смеются за спиной, сочиняя молву: «...дескать она сама им отдалась, мы видели ... Еще заплатили хорошо...». Да ни хрена вы не видели! Собрать бы вас, слышите, в общую кучу, завязать бы глаза черной тесьмой, да выпустить на обрывистый берег Сейма... Покалечиться! Каково будет! А справедливо-то...

Мы разговорились. Говорили много, долго, много было сказано громкого, неуместного, лишнего...

«...А ты знаешь, как я ее любил-то... Это была настоящая любовь, именно любовь... Черт... Если бы все сложилось, сидела она сейчас между нами и ревновала меня к тебе... Я с ума наверно сошел теперь: в лице каждой девушки ищу черты ее лица. Да не нахожу вот... А ты ведь похожа: у нее тоже были каштановые волосы, длинные. А я похож на сумасшедшего? Ну?» - не унимался я. А Варя слушала, внимательно глядя на меня – видно пыталась понять: на самом ли деле ее сейчас выслушали, обогрели, приласкали. Не в первый раз она открывает душу собеседнику.

2

Кто-то из героев шукшинских рассказов, «выпимши лишнюю литру», сказал: «Будни – это яд жизни...». Может это и так. Да только я этими буднями и живу: ей-Богу, как дурак, всю неделю жду выходных, а когда они приходят, долгожданные, словно дождь в летний зной, маешься, как запертый, места себе не находишь... А по другому-то не могу. А как быть-то?..

Работаем, как проклятые: на прошлой недели от состава с нефтью оторвался последний вагон, ну и слетел с рельс в ложбине за перегонном... А рядом – река. Произошла разгерметизация, нефть и хлынула себе... А в вагоне не мало: шестьдесят тонн! Мы вручную ее собирали, ведрами черпали, как воду... К Сейму, зато не пустили, а то бы всему городу... Ведь из этой реки город воду пьет! Вот так.

Между тем работа работой, а Варю я забыть не мог. Более того, я искал встречи с ней. Не могу объяснить, почему. Просто хотел увидеть, прикоснуться рукой к руке... Наверно я ее... Влюбился, или по-настоящему полюбил, как тогда *ее*, Риту...

Если тогда была любовь, то как можно оправдать мое сегодняшнее рвение, необъяснимую жажду общения с человеком, которого я и видел-то всего один раз?.. Мне было совестно.

Тогда, провожая Риту в последний путь, я пообещал ей, ее чистой и непорочной душе, что никогда никого не полюблю. Никого... Наверно, встреча с Варей – это искушение, ниспосланное свыше, испытание на четкость и твердость обещания.

Но сколько красивых девчонок у нас в бригаде, а я ни на одну и глаза не положил. Не потому что у них есть мужья, женихи, семьи, а потому что помнил обещание, данное тогда у могилы.

...А когда ночью наступает естественное желание, свойственное каждому мужику, я иду под навес в дровни и колю до утра дрова...

3

Вчера, возвращаясь домой, очень злился на дождь: влил, как из ведра, дороги вмиг размыло, два раза перевернулся. Приехав, загнал свое транспортное средство в гараж, и думаю: сегодня же суббота, истоплю-ка баньку!

Натопил до угару, попарился от души. Пошел в дом. Выпил чайку, забрался на печь и заснул в тепле и сытости. А дождь барабанил по стеклам, словно нарочно, заставляя думать и вспоминать...

Чу, слышу, стучит кто. А понять не могу, по стеклу ли дождь барабанит, или в дверь стучат. Мигом слез с печи, побежал открывать. Пока открывал, не мог понять, чего так радуюсь, а ликовал я, как дитя годовалое...

«Варя, милая... Варя! Как, неужели... Но... Я искал, я бредил тобою... А ты сама пришла... Варя, Варенька, Ва...» - я не мог понять, что происходит со мной, я задыхался от восторга, переполнявшего меня, плакал, а она тоже говорила и плакала... А дождь лил, лил, лил... Потом на кухне она успокаивала меня, я успокаивал ее... Смеялись и плакали... Она в милицейской шинели без погон, я в ночных кальсонах и наскоро одетой гимнастерки. Босой. Оба мокрые, беспечные, как дети, все говорили и говорили, как тогда, в зимнюю ночь, когда встретились...

«Выходи за меня, Варь. Ну?» - я ни минуты не колебался, смотря ей в глаза. «А если не пойду, что тогда? Обидишься? А давай у дождя спросим!» - она села ко мне на колени. Смеялись.

А дождь, как окаянный все лил и лил, бил в стекла упорными струями, заливая августовской водой подоконники...

4

Пять лет пронеслись, как сон. Теплится жизнь, тянется, как горячая резина. Живем, как люди: ссоримся, миримся, вместе смеемся и плачем...

А детей Бог нам не дал...

А когда я прихожу на кладбище и отыскиваю могилу Риты, я становлюсь на колени и прошу прощения у нее, у ее матери: «...Простите, родные, я виноват во всем, так получилось...»

Случается, вскакиваю среди ночи по субботам, пугая жену. Не дает мне покоя тот мост. И снится мне тот кузовок с поздней земляникой, и проем между шпал, и женский силуэт... И как наяву, слышу я отчаянный зов о помощи: «Помогите, ну сделайте что-нибудь!..»

Случается, в воскресенье участковый привозит меня домой из пивной в соответственном состоянии и помятого, наказывая жене следить за мной, «...чтоб не дебоширил». Варя долго жалеет меня, снимая с моих ног сморщенные кирзовые сапоги, украдкой утирая собственные слезы...